

(НЕ) СУДЬБА

*NATO left Afghanistan.
Putin took nash Cream.
Cristina Kirschner took the Union Jack
(not yet)
Final Cut UPD¹*

О
Т
Р
Е
Д
А
К
Т
О
Р
А

*В холода, в холода... Солнце на лето. Международные отношения — на мороз. Что это — заморозки на почве? Кратковременное похолодание? Или **новый ледниковый?***

Век спустя после начала Первой мировой войны, Европа (в широком смысле евроатлантического пространства от Ванкувера до Владивостока) и ее безопасность поеживаются от холода. Если это и холодная война, то безусловно **нового типа**: биполярный миропорядок — тот тип миропорядка, что был привычным в условиях холодной войны *классической*, исчез четверть века. Похоже, что наступает новая эпоха, эпоха *мультистейкхолдерной* — многосторонней — холодной войны. И где-то в утробе — новый мир, отнюдь не дивный (о *предчувствии* которого пишет в своем эссе Дмитрий **Евстафьев**).

Тот факт, что это — странная война, не делает ее менее опасной, чем *классическая* холодная война сороковых — восьмидесятых прошлого века. Да, те же самые игроки, что и четверть века назад, по-прежнему обладают ядерным оружием. Однако, в отличие от прежних лет, сейчас они также располагают самыми современными видами летальных и нелетальных вооружений.

Эта холодная война — не просто неприятное послевкусие украинского кризиса. Нам следует быть готовыми к долгому периоду политической нестабильности и конфликтов.

Одна из ее характеристик: хаос, паника и гонка вооружений в киберпространстве. Интернет по-прежнему остается квази-свободным, но де-факто контролируется своими изначальными разработчиками — Соединенными Штатами, и ключи от интернета они сдавать отнюдь не спешат (об этом — в комментарии Олега **Демидова**). Перспективы построения новой глобальной системы управления интернетом невелики. Разоблачения Эдварда Сноудена — это лишь вершина айсберга. Свыше 120 стран занимаются разработкой кибероружия или имеют действующие наступательные/оборонительные киберпрограммы.

Другая характеристика: развитие современных видов обычных вооружений, таких как *беспилотники* (об этом пишет Евгений **Бужинский**), боевое применение которых никак и ничем не сдерживается.

Наконец, все *дозрело* для начала гонки вооружений в космосе. Международное, главным образом российско-американское, космическое сотрудничество, которое продолжалось 20 с лишним лет, лопнуло. США, Китай, Россия, Индия и, возможно, другие заметные игроки готовы выйти в космическое пространство с

амбициозными планами, которые — даже если и не будут откровенно военными — отразятся на глобальной безопасности, добавив нестабильности и уязвимости не только для тех, кто не увлекается играми в *звездные войны* и другими космическими забавами, но и для всех остальных.

Как эти глобальные изменения повлияли или повлияют на ситуацию в отдельных регионах? И как меняется мировая геополитическая ситуация?

США не справились с ответственной ролью единственной сверхдержавы. Имперский характер Соединенных Штатов просто невозможно подчинить международному контролю. Вмешательство в дела других государств — основа того, как США видят свою роль в мире. Это вмешательство может носить различный характер, но не следует обманываться заявлениями о *выводе* войск из той или иной страны — хотя бы из того же Афганистана (об этом в статье Виктора **Коргуна**).

Соединенным Штатам удастся сохранить контроль над двумя ключевыми для них регионами — Азиатско-Тихоокеанским и Ближневосточным — что крайне непросто, — при этом отдав региональные конфликты вокруг России на *аутсорсинг* Европе, да и то не полностью, ибо и там Соединенные Штаты сохраняют свое прямое присутствие. Представляется, что сейчас уже не имеет значения, какая администрация придет к власти следующей: демократическая или республиканская. Эта тенденция едина для обеих партий. Те в американском правительстве, кто поддерживал идею более многостороннего — или менее однополярного — мира, оказались сегодня маргинализированы.

Украина стала не главной причиной, а лишь *последней каплей* в обледенении российско-американских отношений. Но она оказалась важной *каплей*, слишком болезненной для **России**, слишком ядовитой. (Не за тем отдавали Ходорковского, чтобы Обама взял Киев. Тем более сделал это в тот момент, когда руки были связаны Сочинской Олимпиадой; именно выбор момента — это было совсем подло, *не по-пацански*). Государственный переворот в Киеве, ниточки от которого ведут в Вашингтон, был проведен по классической схеме, уже не раз апробированной в Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке. Но никогда еще подобного рода операции не проводились так близко к границам России и не затрагивали российские интересы столь глубоко. Действия Москвы по Крыму были стремительны и профессиональны. Теперь же на Украине идет гражданская война, рискующая превратиться в затяжной конфликт низкой интенсивности.

Помимо всего прочего, украинский кризис оказал существенное воздействие на внутривнутриполитическую обстановку в России, предоставив уникальный шанс тем, кто всегда был на обочине процесса принятия решений в Кремле — ультраконсерваторам-фундаменталистам, идеология которых была и останется антизападной вне зависимости от того, что произойдет дальше на Украине и вокруг нее. Долгосрочный курс президента Путина, направленный на то, чтобы не тратить собственную энергию и энергию страны на бесполезные споры, а вместо этого вкладываться в развитие, сейчас оказался сорванным или, как минимум, значительно пострадал. В этом смысле, администрация Обамы достигла своей крайне недалёковидной, но ясной и знакомой цели: США вновь ослабили Россию, вынудив ее продемонстрировать свою мощь, когда Россия вообще-то была настроена на то, чтобы *сосредоточиваться*, но не *разбрасываться*.

С другой стороны, именно эта жесткая, грубая сила России — и, безусловно, сила самого президента Путина — сегодня привлекает к России влиятельных игроков из Ближнего Востока, Восточной Азии и других регионов, как никогда ранее заинтересованных в развитии деловых и стратегических отношений с Москвой.

В своей недавней речи на встрече с российскими посланцами президент Путин сознательно выбрал примирительный, умеренный тон. Не делая никаких уступок в вопросах Украины и Запада, что в целом верно, Путин предпочел сконцентрироваться на построении новой европейской архитектуры безопасности в будущем году — году 40-летия Хельсинкского заключительного акта, а также на идее Евразийского союза как общего экономического (а, возможно, в будущем и геополитического) пространства. Этот стратегический проект заметно пострадал от укра-

инского кризиса, но остается жизнеспособным и имеющим потенциал. Конечно, в нынешних условиях для движения в сторону Евразийского союза не менее важно *инвестировать* в систему коллективной безопасности — ОДКБ, о чем говорит на наших страницах Николай **Бордюжа**. Однако здесь пока прорывов не заметно.

Не улучшив своих стратегических связей с Америкой, **Европа** близоруко испортила их с Россией. В момент кризиса, когда руководство Евросоюза могло сыграть решающую роль в выправлении ситуации, Брюссель проявил себя из рук вон плохо. Иного, однако, и не следовало ожидать. На последних европейских парламентских выборах победу одержали ультраконсерваторы. НАТО же, казалось, только обрадовалось появлению еще одного врага, что совпало по времени с выводом его войск из Афганистана, не справившихся ни с уничтожением противника, ни с восстановлением страны. Украинский кризис оказался просто подарком для НАТО — который НАТО частично само и сотворило. Неожиданно и ко всеобщему удивлению, единственной уравнивающей силой в Европе оказалась подзабытая ОБСЕ, во многом благодаря умному и грамотному председательству в ней Швейцарии.

Китай, очевидно, является единственной страной, оказавшейся в выигрышном положении в связи с этим *обледенением*. Тесные связи между Россией и Китаем являются не тактическими, а стратегическими в своей основе. Однако они будут подвергнуты испытанию, когда Китай решит провернуть нечистые дела в регионе, который в данный момент представляет для него наибольший интерес, а именно, в Юго-Восточной Азии и прилегающих морях, в частности Южно-Китайском море. Со своей стороны, Россия, скорее всего, поведет себя так же, как и Китай в ситуации с Украиной: молча воздерживаясь — и однозначно не пытаясь чему-либо помешать.

Чего ждать от глобальных процессов, примеряясь к *холодной реальности 2.0*. (как, оценивая последние месяцы, ее назвала в своем обзоре Галия **Ибрагимова**)?

Во-первых, существующие международные договоры и соглашения в сфере безопасности будут подвергнуты суровому испытанию на прочность. Некоторые из них уже вскоре завершат свой век, другие еще поборются, а какие-то, из наиболее существенных — как, например, Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), — вероятно, даже выживут, но без шанса на дальнейшее укрепление.

Во-вторых, вероятность заключения новых многосторонних договоров, призванных обуздать новые глобальные угрозы и вызовы, такие как гонка кибер- или космических вооружений, мала.

В-третьих, формализованные международные организации (прежде всего, ООН и ее институты), равно как и неформальные коалиции и клубы стран — *семерки* ли, *бриксы* ли — вряд ли будут в состоянии справиться с новой повесткой дня в области глобальной безопасности.

Таким образом, впечатление последних двух десятилетий, что жесткая сила постепенно уступает место силе мягкой, оказалось не только попыткой выдать желаемое за действительное, не только неправдой, но и опасной иллюзией.

Глобальные процессы *пошли вразнос*. Мы обречены на нарастающую глобальную нестабильность. И вряд ли здесь есть чудодейственные средства, способные предотвратить нарастание этой нестабильности. Фатум нон пенис, в руки не возьмешь, любил говорить Бродский.

Несудьбоносные по отдельности, события последних лет сплелись-таки в клубок. Вот такая, как бы выразился *Ленинград*... *судьба*².

Владимир Орлов

Примечания

¹ Спасибо *Pink Floyd*.

² Как уже убедился читатель — и может убедиться на всем протяжении этого номера — редакция scrupuleзно соблюдает законодательство Российской Федерации.

